

18+

Том Мнайдер

Бутылка
виски, как
песочные часы

Когда каждый
город — как глава.
А каждая
женщина — как
откровение

Том Шнайдер

**Бутылка виски, как
песочные часы. Когда каждый
город – как глава. А каждая
женщина – как откровение**

«Издательские решения»

Шнайдер Т.

Бутылка виски, как песочные часы. Когда каждый город – как глава. А каждая женщина – как откровение / Т. Шнайдер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-672773-1

Он — мужчина без дома, но с целой географией встреч. Каждый город, каждая женщина — как глоток виски: сначала обжигает, потом согревает, а под конец оставляет осадок. В поисках себя он терял и находил. Но сможет ли он остаться, когда поймёт, что время — не враг, а зеркало? Роман о дороге, в которой любовь и одиночество — не противоположности, а разные грани одной жизни.

ISBN 978-5-00-672773-1

© Шнайдер Т.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Глава 1. Выборг	8
Глава 2. Екатеринбург	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Бутылка виски, как песочные часы
Когда каждый город – как глава.
А каждая женщина – как откровение**

Том Шнайдер

© Том Шнайдер, 2025

ISBN 978-5-0067-2773-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Иногда история начинается не с идеи, а с ощущения. Оно не имеет формы. Не имеет слов. Оно приходит тихо – вечером, в одиночестве, когда время будто замирает, и ты слышишь, как течёт тишина. Именно в такой момент, не спеша, родилась эта книга.

Я не планировал писать о Георгии. Он сам пришёл. Не шумно, не с порога – а как человек, которого давно знаешь, но всё ещё не понимаешь. Он не просил рассказать о нём – он просто жил, двигался, вспоминал, молчал. И чем больше я его слушал, тем яснее становилось: это не история о нём. Это история – о нас.

Мы все хоть раз сбегали. От боли. От прошлых отношений. От себя. И мы все, каждый по-своему, искали то, чего не могли объяснить: тепло, которое не уходит, когда выключается свет. Человека, с которым можно молчать. Место, где не нужно быть сильным. Или просто – покой внутри. Георгий искал это не снаружи, а на ощупь, интуитивно, проживая каждую встречу как урок.

Женщины в этой книге не просто эпизоды. Это метки на карте его души. Это отражения. Каждая из них показала ему то, чего он не хотел в себе замечать. Каждая сделала его чуть более живым. Чуть более настоящим.

Я писал эту книгу долго. Останавливался. Возвращался. Потому что хотел быть честным. Перед ним. Перед собой. Перед тобой – читателем, который возьмёт эту книгу в руки и, может быть, узнает в ней свои чувства, свои города, свою тишину.

Это не роман о любви в привычном смысле. Это роман о взрослении души. О том, как постепенно, через ошибки, страхи, страсть и одиночество мы приходим к себе настоящим. И если хотя бы одно предложение в этой книге согреет тебя – значит, всё это было не зря.

Спасибо, что ты здесь. И – не спеши. Лучшие истории любят тех, кто умеет останавливаться.

Том Шнайдер

Пролог

Комната дышала тишиной. Не той, что тяготит, а той, в которой ещё недавно звучали стоны, дыхание, легкие касания пальцев по чужой коже. Простыня на кровати была смята только с одной стороны. Её сторона оставалась тёплой чуть дольше, чем следовало. Это всегда происходило именно так – медленно, как тепло уходит из тела, когда человек уже ушёл, но ещё не исчез окончательно.

Георгий сидел у окна, облокотившись на подоконник, босиком, с чашкой в руках. Чай давно остыл, но он продолжал её держать, словно это тепло было единственным, что осталось от той близости, которая закончилась так же беззвучно, как началась. Город за окном жил своей жизнью: шуршал машинами, пульсировал окнами, провожал ночь в утро. Но для него всё это было фоном. Бесплотным, ничем не связанным с тем, что происходило внутри него.

Она ушла – как и те до неё. Не спросила, не попрощалась, не посмотрела. И в этом было что-то правильное, привычное, даже честное. Их связь не нуждалась в объяснениях. Их тела сказали всё, что должны были. Иногда людям не нужны слова. Им нужны только руки. Тепло. Тишина, в которой не страшно быть собой.

Он не задавался вопросами. Не вспоминал имя. Не хотел думать, что она сейчас чувствует или вспоминает ли его. Георгий давно знал: его роль в таких историях – быть. На вечер. На ночь. На одно дыхание. И исчезнуть, не забирая с собой ни обещаний, ни будущего. Он оставался ненадолго, но всегда глубоко. Так, как могут лишь те, кто умеет быть рядом по-настоящему – без привязки, но с открытым телом.

Он достал блокнот из чемодана. Старый, с мягкой обложкой, которая пахла бумагой и временем. Положил его на подоконник, рядом с чашкой. Открыл не глядя, не выбирая страницу, просто доверяя пальцам. Страница была чистой. Бумага – чуть шероховатой. Идеальной для того, что нельзя сказать вслух.

Он провёл кончиком ручки по белому, и, словно продолжая прикосновения, которые остались под кожей, записал:

«Некоторые ночи не заканчиваются. Они просто остаются внутри – как тепло после рук, которых уже нет рядом.»

Ни подписи, ни даты. Только строка. Только ощущение, как след на влажной спине после душа.

Георгий закрыл блокнот медленно, будто накрывал чем-то драгоценным. Поставил обратно в чемодан. Затем встал, прошёлся босыми ногами по полу и остановился перед зеркалом, не глядя в своё отражение. Открыл окно. Глотнул утреннего воздуха. Холодного, нейтрального, настоящего.

Глава 1. Выборг

Георгий прибыл в Выборг ранним утром, когда город ещё окончательно не проснулся, а улицы были похожи на выдохнутый воздух старой книги – прохладный, пахнувший пылью воспоминаний и сыростью времени. Город встречал его холодным солнцем, тонким, почти невидимым светом, который просачивался сквозь серое небо, не согревая, но обозначая начало. Иней, укрывший крыши черепичных домов, словно повторял узоры старинных гравюр, а булыжная мостовая скрипела под шагами так, будто в этих звуках слышался язык ушедших эпох.

Он вышел из такси, оставив позади шум мотора и дыхание чужого города. Стоял несколько минут на площади, вглядываясь в линии горизонта, не столько изучая архитектуру, сколько пытаясь распознать свои ощущения. В нём было предощущение. Не тревога, не волнение – скорее, осознанная пустота, готовая чем-то наполниться. Георгий был не тем, кто ищет – он тот, кто ждёт.

Он не знал, почему выбрал именно этот город. Выборг притягивал не чем-то конкретным, а своей атмосферой – каменной памятью, запахом сосен, упрямой влажностью старинных улиц. Здесь всё казалось непродуманным, как будто сам город умел молчать – не из страха, а из достоинства. В его башнях было что-то рыцарское, в мостах – переключка с детством, в набережных – задумчивая нота скандинавской печали.

Он поселился не в гостинице – сознательно избегая анонимных коридоров и одинаковых завтраков. Снял комнату над гончарной мастерской. Дом был угловым, с облупленной штукатуркой и винтовой лестницей, которая скрипела, как будто сопротивляясь времени. Хозяйку звали Нина. В объявлении о съёме было написано: «Тихое место. Для тех, кто умеет быть один.» Это и подкупило.

Нина оказалась женщиной с редкой способностью быть настоящей. В её движениях не было ни капли торопливости, даже когда она мыла кисти или переносила тяжёлые формы. В её взгляде было что-то древнее – как у леса, который не собирается нравиться, но всё равно гипнотизирует. Георгий отметил для себя: таких женщин не описывают в романах. Они случаются. И остаются.

Их первый разговор был почти беззвучен. Он сказал, что ему нужно пару дней тишины. Она лишь кивнула. Спросила: «Чай с чабрецом подойдёт?» – и протянула ключ. Ни обещаний, ни вопросов. Только пространство – общее и неприкосновенное.

Первый вечер прошёл в наблюдении. Георгий расположился у окна, записывал в блокнот короткие фразы, фрагменты чувств, обрывки мыслей. Иногда он смотрел вниз, в окно мастерской. Там горел свет. Там двигалась она. Он не слышал её, но чувствовал, как глина согревает её ладони. Он знал это, как знают дыхание женщины рядом ночью – на расстоянии, но с абсолютной уверенностью.

Он не спал долго. Не потому что не мог. А потому что не хотел расстаться с тишиной, которая, казалось, дышала в этом доме. Он пил чай, слушал, как гудит старый радиатор, как трещит дерево в стенах. Ему казалось, что дом разговаривает с ним.

Утро было вязким, как сладкое варенье, которое хочется растянуть на весь хлеб. Георгий спустился в мастерскую – предлог был простой: за чаем. Но на самом деле он шёл за атмосферой. Нина стояла у гончарного круга, волосы собраны небрежно, лицо сосредоточено, губы чуть приоткрыты, как будто она повторяла что-то внутри себя. Руки её были в глине, но это не портило её – наоборот, делало частью мира, в котором всё имело форму, вес и температуру.

Они почти не говорили. Он пил чай, наблюдая. Она работала, не спрашивая. Только иногда их взгляды пересекались – как корабли в море, узнавая друг друга огнями. Георгий ощущал странную тягу. Не плотскую. Скорее – чувственную жажду понимания. Он хотел узнать, как она стала такой. Что сделало её взгляд устойчивым, а молчание – осмысленным.

Он ушёл на прогулку, но долго блуждал по улицам без цели. Город вёл его сам. Он оказался у крепостной стены. Приложил ладонь к камню – холодному, пористому, будто дышащему. И вдруг почувствовал: ему хочется остаться здесь. Не в городе. В этом прикосновении, в этой текстуре. В этом чувстве укоренённости, которого ему всегда не хватало.

Когда он вернулся – уже стемнело. Свет внизу горел. Он спустился. Не ради беседы. Ради присутствия. Ради той тишины, которая была между ними – не пустой, а наполненной смыслом.

Нина стояла у полки, перебирая фарфоровые фигурки. Он остановился в проходе. Не дышал. Она почувствовала его до того, как повернулась. Так чувствуют перемену в воздухе. Когда она повернулась, в её взгляде не было удивления. Только признание. Не его. Своего предчувствия.

Они не говорили. В комнате звучала негромкая музыка – старый джаз, будто скользящий между их телами. На столе уже стоял чай. В этом было не гостеприимство. Это было приглашение. Он подошёл. Сел. Их руки на столе оказались ближе, чем допускает случайность. И всё началось с молчания.

Они не говорили. В комнате звучала негромкая музыка – старый джаз, будто скользящий между их телами. На столе уже стоял чай. В этом было не гостеприимство. Это было приглашение. Он подошёл. Сел. Их руки на столе оказались ближе, чем допускает случайность. И всё началось с молчания.

Он смотрел на её пальцы, как они расставляли чашки, как она слегка касалась доньшек, будто пыталась вспомнить, какая из них – та самая, с которой всё начиналось. Она наливала чай с медленной, чуть неуверенной уверенностью, как будто и сама не до конца понимала, почему это важно. Но Георгий понимал. Это было не про напиток, не про вечер. Это был ритуал.

Он медленно поднял чашку к губам, но не пил. Лишь вдохнул аромат и задержал дыхание. Он не хотел разрушать этот миг звуком, даже если это был бы звук благодарности. Нина тоже молчала. Она стояла, опершись на край стола, чуть наклонившись вперёд. Их взгляды встретились снова, и этот раз был уже другим.

– Ты умеешь молчать, – сказал он, нарушив тишину самым лёгким способом, почти как шёпотом мыслей.

– Я просто не умею торопиться, – ответила она так, как будто давно знала, что скажет это именно ему.

Он встал, обошёл стол, не касаясь её, лишь проходя мимо – близко, слишком близко, чтобы не почувствовать её тепло. Он остановился у окна, где шторы были чуть приоткрыты, и тень от уличного фонаря легла им на пол, как разделительная линия. Он раздвинул её. Линию. Воздух. Себя.

– Я часто еду в незнакомый город, – проговорил он, не оборачиваясь, – надеюсь, что найду в нём часть себя. Но чаще всего нахожу чужое отражение.

– А сегодня? – спросила она, подходя ближе.

Он повернулся. Посмотрел в её лицо. Долго. Внимательно. Как смотрят на картину, в которой, кажется, вот-вот что-то изменится.

– Сегодня я не нашёл отражения. Я нашёл тишину. И в ней услышал тебя.

Она не ответила. Просто подошла и положила ладонь на его грудь. Не как женщина к мужчине. Как человек – к человеку. Там, где сердце, где тревога, где всё настоящее. Он прикрыл её руку своей. И всё между ними стало медленным. Как в замедленной съёмке, где каждый жест – важен, каждый вдох – осознан.

Он склонился к её щеке. Осторожно, как если бы приближался к иконе. Не поцеловать. Услышать. Она не отпрянула. И в этом согласии не было страсти. Было признание. Тихое. Глубокое. Вневременное.

Они оказались рядом, на диване у стены, который раньше казался просто предметом. Теперь он стал их пространством. Их полем. Их паузой. Георгий провёл пальцами по её щеке, медленно, как кистью по холсту. Она закрыла глаза, доверяя не действиям – прикосновению.

Он скользнул губами по её лбу, по виску, задержался у линии челюсти. Его ладони легли ей на плечи. Не властно. Убедительно. Словно он знал: здесь граница. И если она позволит – он пересечёт. Она позволила.

Одежда не снималась – растворялась. Как кожа, уставшая от масок. Как шелест, который не стыдно слышать. Их тела нашли друг друга, как находятся два фрагмента одного сломанного предмета: в несовершенстве, в странной, но точной стыковке.

Сначала всё было очень медленно. Как будто они заново узнавали ритмы, подстраивались под дыхание, ощущали друг друга не только руками, но и глазами, сердцем, внутренним импульсом. Георгий позволял себе быть не сильным – внимательным. А Нина – не ведомой, а откровенной.

Она шептала что-то несвязное, но он не пытался разобрать слова. Он слышал главное – интонацию. Она зарывалась пальцами в его спину, не как в якорь, а как в напоминание: я здесь. Он водил губами по её плечам, по ключицам, по животу – с тем благоговением, с каким пьют воду после долгой жажды.

Когда ритм стал быстрее, когда тела уже знали дорогу, когда чувства догнали плоть, не осталось ничего, кроме момента. Не было ни времени, ни прошлого, ни будущего. Только этот вечер. Этот свет. Это дыхание. Этот мужчина и эта женщина, которые не искали любви – но нашли что-то большее.

Утро наступило без объявления. Свет пробивался сквозь шторы, лениво растекаясь по комнате, как будто сам не хотел нарушать тишину. Георгий проснулся первым. Он не двигался. Смотрел в потолок, прислушиваясь к дыханию рядом. Нина спала спокойно, её тело было чуть повернуто к нему, ладонь касалась его плеча. Это касание было не о владении – о присутствии. О том, что она здесь. Ещё.

Он медленно встал, стараясь не потревожить покой. Прошёл на кухню и заварил кофе, не чай. Сегодня ему хотелось другого вкуса – не ритуального, а настоящего. Открыл окно. Улица за ним жила своей жизнью: кто-то шёл на рынок, кто-то открывал ставни, кто-то выносил мусор. Жизнь не знала, что ночь была особенной. Но он знал.

Она появилась на пороге кухни в его рубашке. Волосы чуть растрёпаны, глаза прищурены. Взгляд спокойный, без попытки что-либо объяснить. Просто – вот она. И он – здесь.

– Ты рано, – сказала она, словно комментируя прогноз погоды.

– Я просто не хотел, чтобы утро застало нас врасплох, – ответил он, подавая ей кружку.

Они сидели у окна. Пили кофе. Слушали город. Иногда смотрели друг на друга. Иногда – в сторону. Ни один не торопился, но каждый чувствовал: момент приближается.

– Мне нужно ехать, – сказал он, глядя на кружку, а не на неё.

– Я знаю, – её голос был ровным, но в этой ровности таилось многое.

Он помолчал, потом добавил:

– Бывают встречи, которые не планируешь, но потом боишься забыть. Потому что они открывают что-то важное. О себе. О жизни.

Она посмотрела на него внимательно, не сразу ответив:

– Просто не все вечера проходят бесследно. Некоторые – остаются внутри. Как якоря. Или как направление, когда снова станешь плыть.

Он кивнул. В этом было не сожаление. Просто принятие. Он не обещал вернуться. Она не просила остаться. В этом утре не было драмы. Только ясность. И послевкусие.

Он собрал вещи молча. Она провожала его взглядом, стоя в дверях мастерской. Когда он вышел на улицу, день уже окреп. Воздух был холоден, но не кусал – просто напоминал, что реальность ждёт.

Георгий оглянулся. Она всё ещё стояла в проёме. Он поднял руку – не в прощании, а в благодарности. Она не ответила жестом. Только взглядом. В нём было всё: и ночь, и утро, и то, что между ними останется с ним – дольше, чем казалось возможным.

Глава 2. Екатеринбург

В тот вечер Екатеринбург был как раскалённая грань ножа – острый, напряжённый, готовый к разрезу. Георгий вышел из поезда, словно входил не в город, а в игру: с правилами, которые ещё только предстояло понять. Здесь не было атмосферы размеренной северной прохлады – всё пульсировало, как вены под кожей у бегуна. Город дышал шумно, грубо, будто проверяя каждого на прочность.

Он не планировал останавливаться здесь надолго. Несколько дней – для встречи с клиентом, пары показов, может, вечера в баре. Но внутренний ритм подсказывал: здесь случится что-то иное. И не потому что город звал. А потому что он сам стал как будто более восприимчивым – к взглядам, к улицам, к самому себе.

Отель он выбрал намеренно сдержанный – стекло, бетон, минимум декора, максимум единения. Он любил пространство, в котором можно слышать своё дыхание. После заселения он не стал разбирать вещи, только быстро ополоснулся, надел свежую рубашку, и пошёл туда, куда вёл интуитивный импульс – вниз, в ресторан отеля. Там он впервые её и увидел.

Она сидела у барной стойки, опираясь локтем о столешницу и листая экран телефона так, будто искала не новости, а способ не взорваться от накопленного напряжения. Волосы – чёрные, как лак на зеркале. Пиджак – идеально сидящий, срезанный по фигуре. Движения – быстрые, резкие, но выверенные. Женщина, привыкшая выигрывать.

Он не подошёл сразу. Он наблюдал. За тем, как она заказывает бурбон. За тем, как улыбается бармену – на долю секунды, не более, словно фиксирует контроль. За тем, как её нога покачивается в такт какому-то внутреннему ритму – явно не музыкальному, скорее – напряжённому. Она была вся как мотор: заведена, стиснута, заряжена. И в этом было что-то притягательное. Как в оружии – не потому, что оно опасно. Потому что в нём цель.

Георгий сел на соседний высокий стул. Не рядом, но в её поле зрения. Она подняла глаза. Их взгляды пересеклись, и в этом пересечении было не первое знакомство – а предупреждение. Он улыбнулся. Она ответила полуулыбкой. И вернулась к своему телефону.

– Нервная неделя? – спокойно спросил он.

– Жизнь, – коротко бросила она, не глядя.

Он кивнул. В этой женщине не нужно было искать загадок – она сама была спрессованной формой внутренней борьбы. И он почувствовал: эта ночь будет не про мягкость. Про острое. Про то, что не требует слов, но требует выдержки.

Георгий заказал себе что-то нейтральное – виски с большим количеством льда. Он не собирался пить – просто хотелось держать в руке стекло, остывающее медленно, как мысли.

– А ты всегда говоришь словами на вес золота? – вновь заговорил он, мягко, будто не ставя цели.

Она отложила телефон, повернулась к нему полностью.

– А ты всегда подходишь к женщинам, которых не понимаешь?

– Только если чувствую, что они понимают себя лучше, чем я – себя.

– Скучный приём, – отрезала она, но в уголке губ мелькнула ирония. – Психолог, философ, а в душе наверняка охотник.

– Только за настроением, – он сделал глоток. – Хотя иногда и оно скрывается так, что приходится идти следом.

Она изучала его взглядом. И в этом взгляде не было флирта. Только определение степени допуска. Словно он был собеседником в переговорах, где ставки выше, чем деньги.

– Я – Дарья, – сказала она, протягивая руку. – Без лишних иллюзий.

– Георгий. Без лишних обещаний.

Они коснулись руками. Рукопожатие – твёрдое, как у людей, привыкших к бизнесу. Но в этом касании было нечто за пределами делового этикета. Электрический ток под кожей. Вспышка.

- Ты местный? – спросила она, чуть расслабившись.
- В этом городе – нет. Но в жизни – как получится. А ты?
- Я всегда местная. Там, где хочу управлять. И там, где умею терять.
- Не боишься терять?
- Боюсь. Но действую. Иначе можно всю жизнь прожить в режиме ожидания.
- Вечер тоже режим?
- Вечер – зона без правил.

Она допила бурбон, поставила стакан. Стук был мягким, но финальным. Затем повернулась к нему так, что между ними почти не осталось воздуха.

- У тебя есть план на этот вечер, Георгий?

– Был. Но теперь он испарился.

– Тогда оставь всё, что ты о себе знаешь, у барной стойки. Мне неинтересны маски. Только то, что под кожей.

Он посмотрел на неё. Долго. И впервые за последние годы – не с желанием завоевать, а с желанием быть рядом.

- Договорились.

Они вышли на улицу, не обсуждая, куда направятся. Шум проспектов отступал, как глухой рёв моря, пока они шли всё дальше – мимо витрин, где отражались их фигуры, мимо спешащих людей, мимо фонарей, освещавших не столько дорогу, сколько силуэты. Георгий не спешил. Дарья тоже.

Некоторое время они шли молча. И в этом молчании было не неловкость, а предвкушение. Он чувствовал, как шаги синхронизируются, как дыхание выравнивается. Как внутри неё что-то сдвигается – от напряжения к внутреннему теплу. Она не смотрела на него, но знала, что он рядом. И это «рядом» впервые не раздражало её, а притягивало.

– Хочешь, я покажу тебе место, где город звучит иначе? – неожиданно спросила она, свернув в переулок.

- Он не спросил, что за место. Он просто пошёл следом.

Они оказались во внутреннем дворике старого здания. Кованая лестница вела на крышу. Дарья жестом пригласила следовать за ней. На высоте четвёртого этажа, среди рекламных щитов и вентиляционных труб, открылся вид на город. Екатеринбург гудел, сиял и пульсировал.

– Здесь я иногда стою, когда всё горит, – сказала она, садясь на бетонный выступ. – Просто стою. И помню, что я – живая. Не успешная. Не дерзкая. Просто живая.

Георгий не садился сразу. Он смотрел на неё. Свет неона подчеркивал её скулы, блики играли на ресницах. В этот момент она была не бронёй – кожей. Не щитом – пульсом.

Он сел рядом. Ничего не сказал. И она молчала. Их плечи едва касались. Но касание было сильнее слов. Он чувствовал, как её дыхание стало глубже. Как будто она сбрасывала что-то тяжёлое.

Она повернулась к нему и посмотрела в глаза. Долго. Без защиты. Без упрёков. В этом взгляде было то, что невозможно запланировать – только почувствовать. Она протянула руку. Касание было осторожным. Как у того, кто впервые доверяет не инстинкту – чувству.

Георгий притянул её ближе, медленно, сдержанно, но уверенно. Их губы встретились не как страсть. Как признание. Тела потянулись друг к другу, словно вспоминая, как это – быть на одной частоте. Она не отстранилась. И он не торопил.

Они целовались на фоне шумящего города. На фоне вечеров, которые раньше были пустыми. Теперь – наполненными. Она обняла его за шею, впиваясь в него губами, будто наконец позволила себе быть не сильной. Просто женщиной, которая хочет чувствовать.

Когда он положил руку ей на спину, она дрогнула. Но не от холода. От того, что к ней прикоснулись не к телу – к сути. Она задыхалась в этом ритме, но не останавливалась. И он – тоже.

В эту ночь они не искали постель. Они искали точку, где себя можно отдать – не потеряв. Их страсть была не про импульс. Про освобождение. Он подхватил её на руки, и она не возразила. И когда он унёс её прочь с той крыши – это было не бегство. Это был выбор: идти дальше, туда, где можно быть настоящими.

Они вошли в номер, не включая яркий свет. Только ночник у изголовья кровати мягко подсвечивал пространство, как будто мир вокруг сократился до дыхания и кожных касаний. Георгий поставил Дарью на ноги, но не отпустил. Её пальцы всё ещё держались за его ворот, как будто, отпустив, она снова могла стать собой – прежней. А она больше не хотела прежнюю себя.

Он целовал её медленно, будто проверяя, где именно она дрожит. Где исчезают её защиты. И Дарья, впервые за долгое время, позволяла быть не в броне, не в роли, не в статусе. Только в теле. Только в чувствах. Только в том, что невозможно зафиксировать контрактом или цифрой на экране.

Он стянул с неё пиджак и блузку, не торопясь, как будто каждый слой – не одежда, а год её прежней жизни, уходящей в прошлое. Она помогала, молча, глядя ему в глаза, и её зрачки не были испуганными. Они были голодными – не до секса, а до ощущения, что она живая. Что её хотят. Что её чувствуют.

Когда она осталась в нижнем белье, он замер на миг, будто давая себе время – рассмотреть, понять, запомнить. Его ладони коснулись её талии, шли вверх по спине, пока не дошли до застёжки. Она сама отвела его руки, растегнула лифчик и скинула его без лишней театральности. Просто – как часть пути. Как шаг.

Он снял рубашку, брюки. Остался в одном дыхании. Они встретились телами у края кровати. Он провёл пальцами по её шее, медленно, скользя вниз, к груди, затем по животу. И когда она чуть выгнулась, он понял – она перестала сдерживаться.

Её пальцы зарылись в его волосы, движения стали резче, дыхание сбивалось. Он уложил её на простыни, обнял, прижал губы к её виску. И тогда они начали двигаться вместе – не спеша, как будто восстанавливали ритм мира, потерянный в шуме будней. Она шептала ему в ухо фразы без слов, только дыхание. Он отвечал телом – без обещаний, но с правдой.

И когда она кончила – дрожа, кусая губу, зарывшись лицом в его плечо, – он остался рядом. Не отвернулся. Не ушёл в себя. Он смотрел на неё, глядя её волосы, пока она дышала глубоко, пока тишина снова становилась родной.

Их ночь была не про победу. Про возвращение. К себе. Друг через друга.

Утро пробиралось в номер несмело – через щель между плотными шторами, через дыхание на подушках, через запах её кожи, который всё ещё был на его пальцах. Георгий проснулся первым. Он не двигался, не открывал глаза сразу – просто слушал, как рядом дышит женщина, которую он почти не знал, но чьё присутствие ощущалось, как будто оно всегда было частью его жизни.

Дарья лежала, отвернувшись, но не отдалившись. Их тела всё ещё были связаны одеялом и чем-то большим. Он знал – если сейчас заговорит, она услышит в голосе больше, чем он скажет. Поэтому тишина держалась дольше, чем обычно.

Он встал. Не спеша. Сделал два шага, взял воду, выпил. Смотрел в окно, на город, который уже бурлил под ним. Потом вернулся и сел на край кровати.

– Доброе утро, – сказал он наконец.

– Оно действительно доброе? – её голос был хриловатым, сонным, но в нём не было упрёка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.